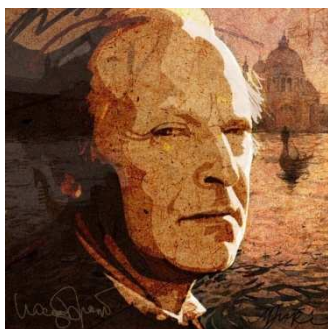

Поэтические странички
«Ниоткуда с любовью...»

Иосиф Бродский

ЧЕРЕЗ ДВА ГОДА

Нет, мы не стали глуше или старше,
мы говорим слова свои, как прежде,
и наши пиджаки темны всё так же,
и нас не любят женщины всё те же.

И мы опять играем временами
в больших амфитеатрах одиночеств,
и те же фонари горят над нами,
как восклицательные знаки ночи.

Живём прошедшим, словно настоящим,
на будущее время не похожим,
опять не спим и забываем спящих,
и так же дело делаем всё то же.

Храни, о юмор, юношей весёлых
в сплошных круговоротах тьмы и света
великими для славы и позора
и добрыми — для суетности века.
1960

Е. В.

Прощай, Васильевский опрятный,
огни полночные туши,
гони троллейбусы обратно
и новых юношей страши,

дохнув в уверенную юность
водой, обилием больниц,
безумной правильностью улиц,
безумной каменностью лиц.

Прощай, не стоит возвращаться,
найдя в замужестве одно —
навек на острове остаться
среди заводов и кино.

И гости машут пиджаками
далёко за полночь в дверях,
легко мы стали чужаками,
друзей меж линий растеряв.

Мосты за мною поднимая,
в толпе фаллических столбов
прощай, любовь моя немая,
моя знакомая — любовь.
1961

М.Б.

Я обнял эти плечи и взглянул
на то, что оказалось за спиной,
и увидел, что выдвинутый стул
сливался с освещенною стеною.
Был в лампочке повышенный накал,
невыгодный для мебели истертой,
и потому диван в углу сверкал
коричневою кожей, словно желтой.
Стол пустовал. Поблескивал паркет.
Темнела печка. В раме запыленной
застыл пейзаж. И лишь один буфет
казался мне тогда одушевленным.
Но мотылек по комнате кружил,
и он мой взгляд с недвижимости сдвинул.
И если призрак здесь когда-то жил,
то он покинул этот дом. Покинул.
2 февраля 1962

...Мой голос, торопливый и неясный,
тебя встревожит горечью напрасной,
и над моей ухмылкой усталой
ты склонишься с печалью запоздалой,
и, может быть, забыв про всё на свете,
в иной стране — прости! — в ином столетии
ты имя вдруг моё шепнешь беззлобно,
и я в могиле торопливо вздрогну.

1962

М.Б.

Ни тоски, ни любви, ни печали,
ни тревоги, ни боли в груди.
Будто целая жизнь за плечами
и всего полчаса впереди.

Оглянись - и увидишь наверно
в переулке такси трахтят,
за церковной оградой деревья
над ребёнком больным шелестят,

из какой-то неведомой дали
засвистит молодой поставой,
и немыслимый грохот рояля
поплывёт над твоей головой.

Не поймёшь, но почувствуешь сразу:
хорошо бы пяти куполам
и пустому теперь дидазму
завещать свою жизнь пополам.

1962

СОНЕТ

Г. П.

Мы снова проживаем у залива,
и проплывают облака над нами,
и современный тарахтит Везувий,
и оседает пыль по переулкам,
и стекла переулков дребезжат.
Когда-нибудь и нас засыпет пепел.

Так я хотел бы в этот бедный час
приехать на окраину в трамвае,
войти в твой дом,
и если через сотни лет
придет отряд раскапывать наш город,
то я хотел бы, чтоб меня нашли
оставшимся навек в твоих объятьях,
засыпанного новою золой.
1962

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

М. Б.

Дверь хлопнула, и вот они вдвоем
стоят уже на улице. И ветер
их обхватил. И каждый о своем
задумался, чтоб вздрогнуть вслед за этим.
Канал, деревья замерли на миг.
Холодный вечер быстро покрывался
их взглядами, а столик между них
той темнотой, в которой оказался.
Дверь хлопнула, им вынесли шпагат,
по дну и задней стенке пропустили
и дверцы обмотали наугад,
и вышло, что его перекрестили.
Потом его приподняли с трудом.
Внутри негромко звякнула посуда.
И вот, соединенные крестом,
они пошли, должно быть, прочь отсюда.
Вдвоем, ни слова вслух не говоря.
Они пошли. И тени их мешались.
Вперед. От фонаря до фонаря.
И оба уменьшались, уменьшались.
октябрь 1963

Шум ливня воскрешает по углам
салют мимозы, гаснущей в пыли.
И вечер делит сутки пополам,
как ножницы восьмерку на нули -
а в талии сужает циферблат,
с гитарой его сходство озарив.
У задержавшей на гитаре взгляд
пучок волос напоминает гриф.

Ее ладонь разглаживает шаль.
Волос ее коснуться или плеч -
и зазвучит окрепшая печаль;
другого ничего мне не извлечь.
Мы здесь одни. И, кроме наших глаз,
прикованных друг к другу в полутьме,
ничто уже не связывает нас
в зарешечённой наискось тюрьме.
1963

М.Б.

Ты знаешь, с наступленьем темноты
пытаюсь я прикидывать на глаз,
отсчитывая горе от версты,
пространство, разделяющее нас.

И цифры как-то сходятся в слова,
откуда приближаются к тебе
смятение, исходящее от А,
надежда, исходящая от Б.

Два путника, зажав по фонарю,
одновременно движутся во тьме,
разлуку умножая на зарю,
хотя бы и не встретившись в уме.

31 мая 1964

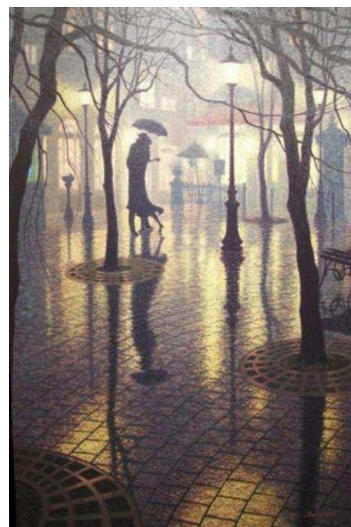

Предпоследний этаж
раньше чувствует тьму,
чем окрестный пейзаж;
я тебя обниму
и закутаю в плащ,
потому что в окне
дождь - заведомый плач
по тебе и по мне.

Нам пора уходить.
Рассекает стекло
серебристая нить.
Навсегда истекло
наше время давно.
Переменим режим.
Дальше жить суждено
по брегетам чужим.

Как жаль, что тем, чем стало для меня
твое существование, не стало
мое существование для тебя.
...В который раз на старом пустыре
я запускаю в проволочный космос
свой медный грош, увенчанный гербом,
в отчаянной попытке возвеличить
момент соединения... Увы,
тому, кто не способен заменить
собой весь мир, обычно остается
крутить щербатый телефонный диск,
как стол на спиритическом сеансе,
покуда призрак не ответит эхом
последним воплям зуммера в ночи.
1967

СТРОФЫ

М.Б.

XVII

Дорогая, мы квиты.
Больше: друг к другу мы
точно оспа привиты
среди общей чумы.
Лишь объекту злоречья
вместе с шансом в пятно
уменьшаться, предплечье
в утешенье дано.
1978

М.Б.

Я был только тем, чего
ты касалась ладонью,
над чем в глухую, воронью
ночь склоняла чело.
Я был лишь тем, что ты
там, внизу, различала:
смутный облик сначала,
много позже — черты.
Это ты, горяча,
ошую, одесную
раковину ушную
мне творила, шепча.
Это ты, беребя
штору, в сырую полость
рта вложила мне голос,
окликавший тебя.
Я был попросту слеп.
Ты, возникая, прячась,
даровала мне зрячесть.
Так оставляют след.
Так творятся миры.
Так, сотворив, их часто
оставляют вращаться,
расточая дары.
Так, бросаем то в жар,
то в холод, то в свет, то в темень,
в мирозданьи потерян,
кружится шар.
1981

Ты та же, какой была.
От судьбы, от жилья
после тебя — зола,
тусклые уголья...
1981

Ниоткуда с любовью

Ниоткуда с любовью, надцатого мартабря,
дорогой, уважаемый, милая, но не важно
даже кто, ибо черт лица, говоря
откровенно, не вспомнить уже, не ваш, но
и ничей верный друг вас приветствует с
одного
из пяти континентов, держащегося на
ковбоях.

Я любил тебя больше, чем ангелов и
самого,

и поэтому дальше теперь
от тебя, чем от них обоих.

Далеко, поздно ночью, в долине, на
самом дне,

в городке, занесенном снегом по ручку двери,
извиваясь ночью на простыне,

как не сказано ниже, по крайней мере,

я взбиваю подушку мычащим "ты",

за горами, которым конца и края,

в темноте всем телом твои черты

как безумное зеркало повторяя.

1975

Стихи И.Бродского взяты из: Сочинения Иосифа Бродского. Тома. 1-3. – СПб., Пушкинский фонд, 1997.

Рисунки: В.Ременец, Ю.Чистяков, В.Колбасов, И.Куберский, Д.Нолет, Д.Егоровский, М.Рогинский.

